
Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ПОЕЗДКА В КИТАЙСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

Летом 1957 г. П. Е. Терлецкий и я были командированы Институтом этнографии АН СССР в Китайскую Народную Республику.

Заведующий сектором этнической картографии и статистики Института П. Е. Терлецкий основной задачей имел апробацию китайскими учеными — специалистами по этнографии Восточной Азии (т. е. на 80% — Китая) карты, составленной в секторе (главным образом С. И. Бруком) по методу П. Е. Терleckкого. Следует сказать, что этот метод очень заинтересовал китайских этнографов, побывавших в СССР. По предварительной договоренности с ними, П. Е. Терлецкий должен был ознакомить китайских специалистов-картографов со своим методом на примере региональных карт районов КНР, наиболее сложных по этническому составу. Мне, как проводившему первичное редактирование тома «Народы Восточной Азии» серии «Народы мира», было необходимо выслушать мнение китайских ученых и практических работников по отдельным главам тома с тем, чтобы учесть их замечания и пожелания в дальнейшей работе. Отдельные части тома (в том числе глава «Этническая и лингвистическая классификация народов Восточной Азии» и раздел главы «Китайцы» — «Музыкальная культура») еще не были написаны, и мы надеялись на месте договориться о привлечении в качестве авторов китайских специалистов. Не менее важно для меня, как одного из авторов главы о китайцах (хань) и автора главы о хуэйцзу¹, было увидеть своими глазами жизнь сегодняшнего Китая, насколько это возможно в столь короткий срок. Первоначально срок командировки определялся всего в один месяц. Позже, по ходатайству Академии наук КНР и Академии национальных меньшинств КНР, срок был удвоен, что позволило осуществить утвержденный по плану выезд в районы расселения национальных меньшинств: чжуан (провинция Гуанси) и сани (подразделение народности йи в провинции Юньнань).

Работа П. Е. Терleckкого протекала главным образом в стенах Академии национальных меньшинств, вокруг которой объединяются основные силы этнографов КНР². Здесь П. Е. Терлецкий прочел доклад о новом методе этнического картографирования (следует подчеркнуть, что к моменту доклада слушатели имели на руках опубликованный в КНР перевод его статьи на эту тему из журнала «Советская этнография», 1953, № 1), провел две беседы о практическом применении этого метода и девять занятий с аспирантами Академии национальных меньшинств, к которым присоединились сотрудники Академии наук КНР и ведущие специалисты по этнической картографии Комитета по делам национальностей КНР. Занятия настолько увлекли слушателей, преимущества нового советского метода этнического картографирования были настолько очевидны, что когда мы отправились в область расселения чжуан (Гуанси-Чжуанский автономный район), мы уже имели на руках две карты этого района, выполненные новыми учениками и последователями П. Е. Терleckкого с применением его метода. Полное одобрение и поддержку этот метод получил и в Наньнине со стороны специалистов чжуанского провинциального Комитета по делам национальностей (где П. Е. Терлецкий сделал доклад) и этнографов и картографов г. Куньмин (где он не только сделал доклад, но и провел два практических занятия).

* * *

Значительная часть моей работы также протекала в Академии национальных меньшинств, профессорско-преподавательский состав которой взял на себя обсуждение всех глав тома, посвященных национальным меньшинствам Китая, а также прочтение отдельных разделов главы о китайцах. К обсуждению были привлечены, кроме того,

¹ В русской литературе основная северная часть этой этнической группы известна под названием «дунгане».

² Именно в середине 1957 г. был поднят вопрос о создании Института этнографии в составе Академии наук Китая. С сотрудниками Института языков национальных меньшинств Академии наук КНР нам не удалось встретиться, так как большая часть их была в экспедициях.

специалисты — этнографы, историки, искусствоведы — из Академии наук КНР, практические работники Комитета по делам национальностей КНР (частью это были представители описываемых народов, и потому мнение их было особенно важно) и др. Среди принявших участие в обсуждении были профессора Линь Яо-хуа, Фу Лю Яо-хань, Цзин Цзай-янь и многие другие. Только глава о хуэйцзу, вызвавшая не шинств — профессор Ян, преподаватели Хуан Су-пин, Хуа Фа-чжу, Чжу Нин, Лю Ян-хань, Цзин Цзай-янь и многие другие. Только глава о хуэйцзу, вызвавшая не столько обсуждение, сколько дискуссию, обсуждалась в Мусульманском научно-исследовательском обществе под председательством профессора Бай Шоу-и.

Значительно сложнее было организовать обсуждение разделов главы о китайцах. Как это имеет место в ряде стран (и как это до недавнего времени было и в нашем Институте), этнографией основной и ведущей нации в Китае почти не занимаются или занимаются спорадически. Не будет преувеличением сказать, что этнография собственно китайцев стала делом всей жизни лишь одного ученого-этнографа — профессора Фан Го-юя, сотрудника Юньнаньского института национальных меньшинств, по национальности наси; много занимается он и этнографией своего народа; особенно его привлекло древнее рисуночное письмо наси (выполненную этим письмом рукопись из своего собрания он преподнес мне). Вполне естественно, что Фан Го-юя привлекает главным образом этнография и история китайцев Юньнани, несколько своеобразных в силу их оторванности в различные исторические периоды от основной массы китайцев.

Такое отношение к этнографии китайцев объясняется в основном тем, что до образования Народной Республики китайские этнографы в значительном большинстве разделяли взгляды западноевропейских и американских ученых, интересы которых сосредоточиваются на изучении «примитивных» обществ. После освобождения Китая задачи правильного проведения национальной политики и разрешения вопросов государственного строительства потребовали от китайских ученых в первую очередь изучения национальных меньшинств (от составления обоснованного списка народов Китая до взаимного ознакомления с достижениями культуры отдельных народов, их вклада в общекитайскую и в мировую культуру). Таким образом, отдельные разделы главы «Китайцы» нашего издания обсуждались в различных учреждениях: раздел «Семья, брак и положение женщины» — во Всекитайском женском комитете; раздел «Народное образование» — в Министерстве просвещения КНР (с участием профессора Академии педагогических наук КНР Сюй Чунь-шэна, преподавателя Ван Те и др.); разделы «Литература», «История», «Верования» — в отдельных институтах Академии наук КНР; разделы «Фольклор» и «Театр» — в соответствующих обществах и т. д. При обсуждении раздела «Средства передвижения» обстоятельное сообщение о ранних формах транспорта сделал профессор Чжан из Министерства путей сообщения КНР.

Наиболее трудным оказалось найти рецензентов по разделу «Празднества, связанные с сельскохозяйственным календарем». Дело в том, что исследователи, причастные к изучению обрядности, интересуются главным образом современным осмыслением обрядов (часто совершенно не связанным с историей их возникновения).

Следует подчеркнуть, что китайские ученые и все товарищи, участвовавшие в обсуждении, самоотверженно помогали нам, порой в ущерб своему времени, планам и делам. Так, был изменен план экспедиционной работы аспирантов и преподавателей Академии национальных меньшинств. Вместо предполагавшегося перевода с листа на китайский язык глав и разделов тома в ходе их обсуждения, было принято решение о предварительном переводе всего тома, что в кратчайший срок было успешно выполнено Институтом русского языка Академии наук КНР.

Всю тяжесть организационной работы по проведению обсуждения и консультаций, научных экскурсий для нас и нашего экспедиционного выезда приняли на себя сотрудники Отдела связи с иностранными специалистами Академии наук КНР Ван Юэ-лань, блестяще знающая русский язык и этнограф в душе, и сотрудница Комитета по делам национальностей КНР Чжан Най-хуа, хорошо знающая этнографию чжуан и ряда других народов юга страны. Их личное участие в обсуждении глав и разделов тома также было весьма значительным.

В период первичного редактирования глав тома и участия в написании части их передо мной вставал ряд вопросов, требующих уточнения, дополнительного исследования, выяснения мнений отдельных ученых (до общего обсуждения) и личного ознакомления с архивными и литературными материалами, а также с современными формами материальной культуры, бытовыми явлениями и т. д. Наш план научно-консультационной и научно-экскурсионной работы был очень насыщен. Ряд консультаций был дан нам профессурой Пекина; большую помощь оказали по вопросам лингвистической классификации народов КНР (а она легла в основу легенды к этнической карте, составленной Институтом этнографии АН СССР) — Ло Чан-пэй и Ма Сюэ-лян; по истории китайского языка — Люй Шу-сян; по археологии — Ся Най; по палеоантропологии Китая — У Жу-кан и Цзя Лань-по. Позже, в Куньмине весьма ценные консультации мы получили у профессоров Хоу Фан-яо (по этнографии ва и цзинпо) и Фан Го-юя (по собственно китайцам и наси). Специальную лекцию о формах проведения национальной политики прочел для нас профессор Ма Яо — представитель байцзу.

За немногими исключениями, консультировавшие нас китайские ученые живо интересовались постановкой соответствующих проблем в Советском Союзе. Так, по просьбе

китайских товарищей П. Е. Терлецким был прочитан доклад о работе Комитета Севера при ВЦИК СССР; мною — доклад о поездке с этнографическими целями в Бирманский Союз.

Огромное значение имели для меня тематические научно-экскурсионные выезды, организованные для нас Академией наук КНР и Комитетом по делам национальностей КНР. Часть этих выездов была построена по циклам.

Знакомясь с театральными жанрами в Китае, мы посетили представления театральных коллективов Пекинской оперы (точнее было бы сказать — музыкальной драмы) в Пекине и в Куньмине. В отличие от театральных коллективов Пекина, в Куньмине ввели хорошо выполненные декорации и богатый ассортимент световых и пиротехнических эффектов. В Пекине же мы посетили представление «юэси» (один из жанров музыкальной драмы) шаосинского театра. Шаосинская опера отличается от классической Пекинской оперы богатством декораций, разнообразием костюмов. Отход от игровых канонов делает представления юэси более доходчивыми для не посвященных в театральные условности зрителей. По-прежнему все роли здесь исполняются только женщинами. Действие идет на диалекте «у» (шанхайском), а для зрителей, не понимающих этого диалекта, на вертикальном экране при помощи проекционного фонаря в правой боковине рампы дается иероглифический текст всех диалогов.

Мы посетили также молодой пекинский коллектив кукольного театра. Художественный руководитель У Цзун, ведущий режиссер Чжоу И-жэнь и актеры рассказали нам о работе театра и показали репетицию пьес театра марионеток (тисань муоу) и театра петрушки (путай муоу).

Благодаря заботливости китайских товарищей нам удалось не только увидеть редкое в настоящее время представление теневого театра, но и познакомиться с работой его кукловодов и составом оркестра. Коллектив теневого театра выступал в парке им. Сунь Ят-сена в Пекине. В этот вечер в парке, который может вместить до миллиона человек, было массовое гулянье трудящихся столицы. В парке действовали различные «зрелищные точки», в том числе до десяти видов популярных и в наши дни рассказывателей книг — «шошуды» («да хуа гу» — рассказы с барабаном; сычуаньские «шюшу», ведущие диалог, «куайде шошу» — рассказчик, аккомпонирующий себе своеобразный трещеткой, состоящей из пары «куайцзы» — палочек для еды и блюда, и др.). Внимание юных зрителей было приковано к «туманным картинам». Цикл из 20 картин иллюстрировал рассказ о боевых делах китайских партизан в период антияпонской войны. Артистический талант рассказчика искупал архаичность техники показа иллюстраций.

Цикл производственных экскурсий, организованных для нас, мы начали с посещения текстильной фабрики. Главный инженер Пекинской текстильной фабрики — Гао Я показала нам, кроме производственного процесса, также общежитие рабочих, столовые, клуб, школу взрослых, жилые дома семейных рабочих, больницу, детский сад, спортивный городок, кооперативный магазин.

Мы посетили сельскохозяйственный производственный кооператив в селении Гаобэйдянь. В кооператив мы попали в тот радостный день, когда в строй вошла новая насосно-ирригационная установка, позволяющая оросить дополнительно огородный участок. Кооператив получает в год пять урожаев различных культур с одной площади. Мы посетили жилые дома членов кооператива, поразившие нас просторностью, обилием богатой мебели, которая в наших музеях числится «дворцовой». Бывший крестьянин-середняк Чжао Хун-бин, провожая нас, извинился за старинную надпись на «заслонке духов» (каменная стена за входом в ограду дома): «Без дела не ходи» (уши мяньцзин). В новом доме бывшего бедняка Люй Дэ-куань мы специально обратили внимание на «заслонку духов»; но здесь надпись гласила другое: «Подними голову — увидишь радость» (тайтоу цзяньси).

Кооператив в Гаобэйдянь — высшего типа. Он образовался в 1956 г. из трех слившихся небольших кооперативов. Правление кооператива расположилось в бывшей часовне Лунвана (дракона — божества облаков и дождя). Председатель правления бывший крестьянин-бедняк Цин Юй и его заместительница Ван Шу-лань рассказали нам о производственной структуре кооператива, его успехах и трудностях в работе. Одна из этих трудностей — проживание в деревне значительного количества городских служащих и рабочих, т. е. не членов кооператива.

Пекин растет, и Гаобэйдянь скоро окажется в черте города. Промышленные предприятия, располагающиеся, как правило, вне города, привлекают часть сельского населения. Жилищное строительство, несмотря на обширную программу застройки окраин, не поспевает за развитием национальной промышленности. Здесь дело, однако, и в том, что Пекин перестал быть «одноэтажной столицей». Как известно, в императорском Китае, по уложению, ни один дом не мог быть выше зданий Императорского города (двух- или трехэтажных). Поэтому город и был одноэтажным. Крупные квадраты, на которые он был разбит, давно утратили характер «родственных кварталов» — худунов. Узкие извилистые улочки и тупички худунов стали существенной помехой развитию городского транспорта. Новые магистрали, прокладываемые в столице, часто пересекают худуны; дворы, оказывающиеся на трассе, сносятся. Жители их переселяются в новые комфортабельные жилища. Прокладка дорог сопровождается расширением сети водопровода, канализации и т. д. В кварталах новых домов в пригородной и парковой зоне по плану предусмотрена постройка кинотеатров, магазинов, прачечных, общественных столовых, залов для собраний или театральных постановок (пекинские театральные коллективы не имеют пока постоянных помещений). Однако, как упомянуто выше,

пригородные села еще частично заселены семьями строителей и рабочих новых предприятий. В связи с этим и городской транспорт чрезвычайно загружен в течение всего дня. В Пекине и пригородах поражает обилие велосипедов. Значительно еще и количество педикетов (велорикш), грузовых и пассажирских; но рикши «обычного» типа уже исчезли, как исчезают они постепенно и во всех городах Китая.

Мы посетили также ряд ремесленных кооперативов: мастеров резьбы по кости, ковроделия, перегородчатой эмали, резьбы по лаку, ювелиров и мастеров «железных цветов», а также кооперативную мастерскую граверно-репродукционных работ. Часть из этих производств уже описана в наших искусствоведческих изданиях; часть мы надеемся осветить в нашем журнале специально. Поэтому ограничусь замечанием, что высокохудожественное искусство костерезов почти не механизировано. Стабильность ассортимента позволяет мастеру достигать большой тонкости в отделке изделия, но ограничивает творческий его рост. Наоборот, коллектив мастерской граверно-репродукционных работ постоянно работает над вопросами рисунка, красителей, фактуры копий. Выработаны опытом лучшие условия в производственных помещениях: в цехах, где производится «печать» (т. е. оттиск с клише), стоит влажная пыль, обеспечивающая большему сорту китайской бумаги лучшую восприимчивость к краске. Главный художник мастерской Чэн Минь-чжай показал нам программу работ кооператива, в основу которой положены сохранение и популяризация лучших образцов китайского изобразительного искусства различных исторических периодов. В мастерской имеются три цеха: художников, граверов и печатников. Мы имели возможность наблюдать, как акварели на шелке танского времени проходили через изучение их цветовой гаммы; их рисунки, расчленяясь с помощью деревянных клише на десятки цветowych пятен, последовательно воссоздавались в копии на бумаге настолько точно, что на сравнительно небольшом расстоянии отличить копию от подлинника было трудно. Еще более близки к подлиннику копии картин, выполненных на бумаге. С этим кооперативом связан круг современных художников. При кооперативе имеются ателье и магазин, где можно приобрести подлинные творения художников древности и современности, а также лучшие кисти, тушь, краску для личных печатей, камни для растирания туши и т. д. Этот магазин — один из наиболее посещаемых на улице Люйчан.

Циклически были построены и наши посещения храмов и исторических мест в Пекине и его окрестностях: даосский храм, посвященный богине Сиванму (в этом храме имеется также алтарь Няньнян сунцзы — богини, ниспосылающей сыновей, перед изображением которой лежат дары в виде туфелек и т. п.); центральный буддийский храм, где хранится «дар буддистов Бирмы — зуб Будды»; ламаистский храм с сотнями свертков двух канонных; загородные буддийские храмовые ансамбли Биюньсы и Вофосы (рис. 1). Посетили мы также храм Конфуция (ныне не действующий), где сохранились древнейшие музыкальные инструменты из нефрита. Большой интерес представляют каменные стелы, воздвигнутые в аллее, ведущей к храму, в честь конфуцианцев, живших в разные века. Мусульманская мечеть на улице Ньюцзе в Пекине, как и мечеть в Куньмине, осматривалась нами при общем ознакомлении с положением хуэйцзу. Ньюцзе (т. е. Улица Коровы) — фактически не одна улица, а целый район, где сосредоточивалось мусульманское население Пекина. Кроме ознакомления с жилищными условиями семей рабочего, учителя, врача, священнослужителя, мы посетили мечеть, мусульманскую школу, Мусульманский научно-исследовательский институт. В дни нашего пребывания в Пекине заканчивалось оформление историко-культурной выставки, посвященной хуэйцзу. Большой интерес представляет раздел этой выставки об участии хуэйцзу в общей борьбе народов Китая против империалистов и их гоминьдановско-чанкайшистских пособников. Мы имели возможность посетить также Великую китайскую стену в той ее части, которая выстается над Гуантинским водохранилищем. Эта экскурсия и посещение Исторического музея во дворце Гугун подкрепили мое убеждение в том, что стена строилась не единовременно. Цинь Шихуанди, которому приписывается постройка стены, лишь объединил ряд построенных ранее стен, окружавших территории отдельных царств, и частично продолжил стену. Отдельные линии строили и позже, а старые линии неоднократно реставрировали. Подтвердилось и представление о невозможности «пути по стене» — проезд был невозможен, так как стена местами поднималась под углом в 45°, через каждые 100 м на ней расположены башни и т. д.

Мы посетили долину усыпальниц тринадцати императоров Минской династии, куда ведет древняя дорога, вдоль которой по обе стороны расставлены скульптуры «стражей подступов к могилам». В настоящее время дорога асфальтирована.

В 1958 г. предполагается провести вскрытие одного из погребальных холмов, которое покажет, насколько правильно установившееся представление о погребениях императоров феодального Китая.

Благодаря любезности профессора У Жу-кана мы посетили Государственную палеоантропологическую станцию в Чжоукоудяне, где детально осмотрели музей и раскопы — места находок синантропа и шаньдиндунского человека. Старейший работник станции 62-летний экскурсовод Лю Йи-шань рассказал нам об огромном интересе, который проявляют трудящиеся Китая к памятникам седой древности человечества.

Мы неоднократно побывали в Императорском дворце — музее Гугун, посетили парк Ихэюань (рис. 2), ансамбль Храма неба, известный оградой с акустическим фокусом, и Храм земледелия (к сожалению, древние сельскохозяйственные орудия храма исчезли еще до установления Китайской Народной Республики и местонахождение их неизвестно).

Большой интерес представило посещение Пекинской государственной библиотеки (бывшей императорской; рис. 3), которая существует свыше 500 лет; количество книг в ней в настоящее время — 4,5 млн. экземпляров. Кроме интересовавшего меня описания Юньнани («Юньнань и тунчжи»), нам показали зал, где хранятся 36 300 бэней (печатных тетрадей) «Цин дин сыку цюаньшу»; это — издание энциклопедического типа, в котором особый интерес для этнографа представляет раздел, включающий рисунки одежд различных слоев населения Китая и прилегающих стран (в частности, Средней Азии); рисунки выполнены в первой половине XVIII века.

Рис. 1. У входа в центральную анфиладу арок Биюньсы (здесь и дальше публикуются фотоснимки, сделанные автором)

5 июля мы имели возможность посетить зал заседаний Правительства КНР — Хуайжэньтан, где делегаты IV сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва обсудили предложения по докладу тов. Уланьфу о создании Нинсяского автономного района хуэйцзу и о распространении автономного района чжуан на территорию всей провинции Гуанси.

Огромное значение имело для меня наблюдение повседневной жизни населения столицы, его созидательного труда, его отдыха, огромной тяги к знанию (рис. 4). Нельзя не отметить чрезвычайную организованность китайского народа, трогательно теплое, братское отношение к советским людям, большое число пекинцев, знающих русский язык, их стремление подробнее узнать о жизни в нашей стране.

24 июля мы выехали поездом в Ханькоу, затем на пароме пересекли Янцзы. Первый мост через реку уже был закончен, но еще не действовал. С борта парома я сделал несколько фотоснимков жителей Ханькоу, способов переноски грузов, типов речных судов у пристани. Снимок лодочника на двухвостой шлюпке (рис. 5), который, стоя, гребет длинными веслами, оказался совершенно сходен со снимком, сделанным мною

в Рангуне в январе того же года; так документально подтвердилось предположение о широком ареале этого типа лодок в Азии.

От Учана мы снова двинулись к югу. В одном вагоне с нами оказалась группа вьетнамцев-студентов, возвращающихся из китайских вузов домой на время летних каникул. Среди них оказались экономисты и географы. Они также живо интересовались жизнью Советского Союза. Одним из наиболее частых предметов нашей беседы была, конечно, работа среди национальных меньшинств. Молодые географы весьма настойчиво расспрашивали, что предпринимается в Советском Союзе в отношении замены «колониалистского наследия» в топонимической и этнонимической терминологии.

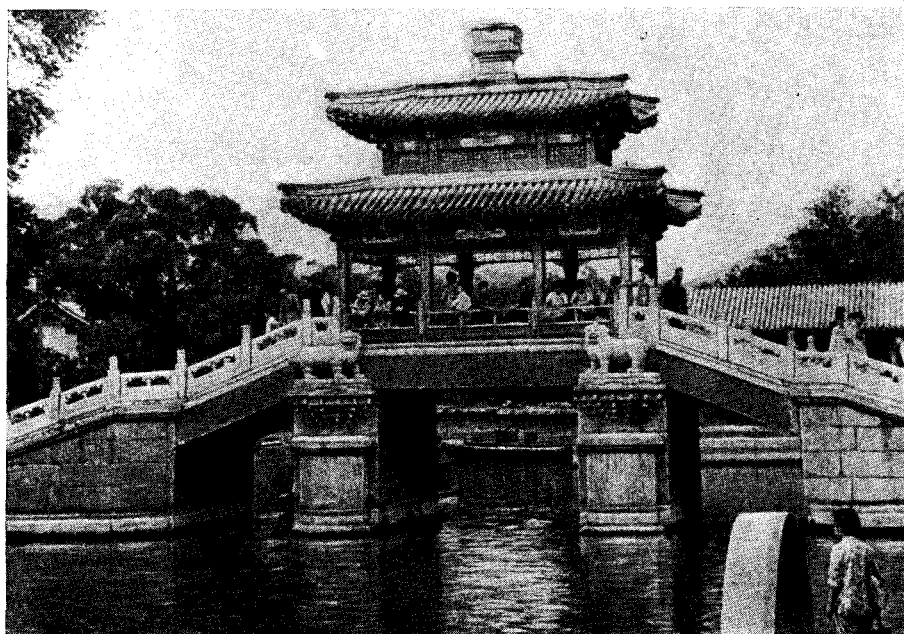

Рис. 2. Мост с башней в парке Ихэюань

В Демократической Республике Вьетнам, как и в Китае, общий этноним относится теперь твердо ко всем народам страны (т. е. китайцы — все народы, живущие в КНР, вьетнамцы — все жители Вьетнама); для основной нации страны существует особый этноним (хань — китайцы; кинь или киньжын — вьетнамцы). Весьма важным для меня было сообщение о совпадении или несовпадении названий одного и того же народа в Китае и во Вьетнаме. Было известно, что этноним мяо произносится во Вьетнаме «мео» и что яо во Вьетнаме называются «мань» (термин, бытовавший в феодальном Китае применительно ко всем народам юго-запада и юга страны). Студенты сообщили, кроме того, что нун родственны или являются частью тхо, а тхо — это тот же народ, что китайские чжуан. Они высказали также ряд возражений против географических наименований вьетнамских местностей, принятых в западноевропейской и американской литературе (например, Аннамские Кордильеры).

Сравнительно медленное движение поезда почти по меридиану с севера на юг позволяло нам, как на экране кино, наблюдать изменения ландшафта, одежды населения, общего облика деревень и хуторов и т. п. Конечно, эти беглые впечатления не дают основания для каких-либо серьезных выводов, но для общего представления о стране они были очень полезны.

В Наньнин — главный город Гуанси-Чжуанской автономной области — мы прибыли в дни, когда только еще вступало в силу правительственное решение о границах этой области, готовилось введение судопроизводства на чжуанском языке, расширялось применение чжуанского языка во всех областях общественной и политической жизни и т. д. На следующий день мы отправились в г. Уминь — старый центр расселения чжуан. Здесь нас познакомили с деятельностью Школы подготовки чжуанских кадров партийного и административного актива, а также научно-исследовательского центра, где разрабатывалась новая чжуанская письменность, основанная на латинской графике (вместо прежней графики «танцующих иероглифов», т. е. письменности, в которой использовались китайские или близкие к ним иероглифы, но иногда — для передачи звуков, отличающихся от китайских, — положенные на бок или перевернутые). Близ Уминя мы побывали у членов сельскохозяйственного кооператива в их домах из сырцового кирпича или каменной кладки, с крышами из черепицы, но без потолочного перекрытия и

Рис. 3. Группа студентов Синьсянского педагогического института у Пекинской государственной библиотеки

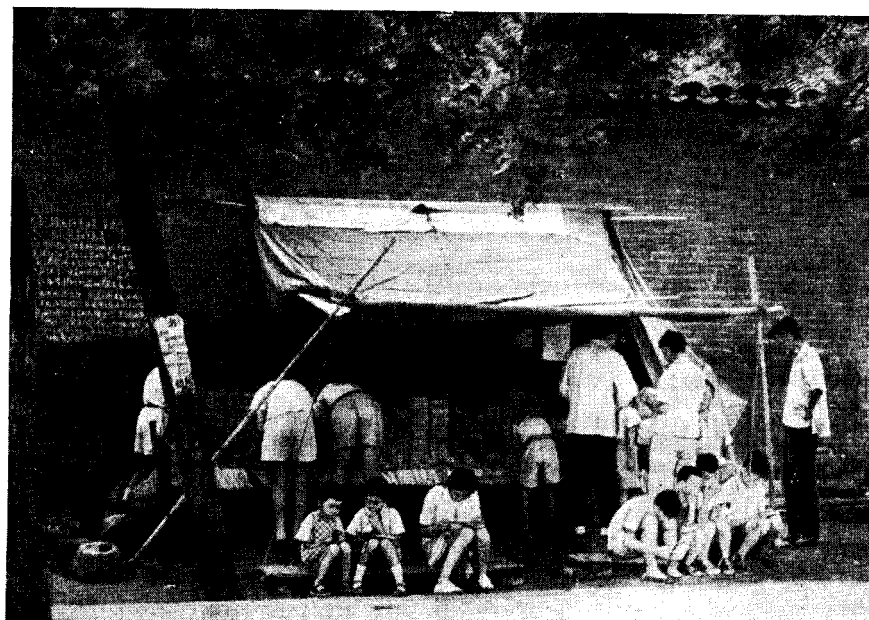

Рис. 4. Детская уличная читальня (Пекин)

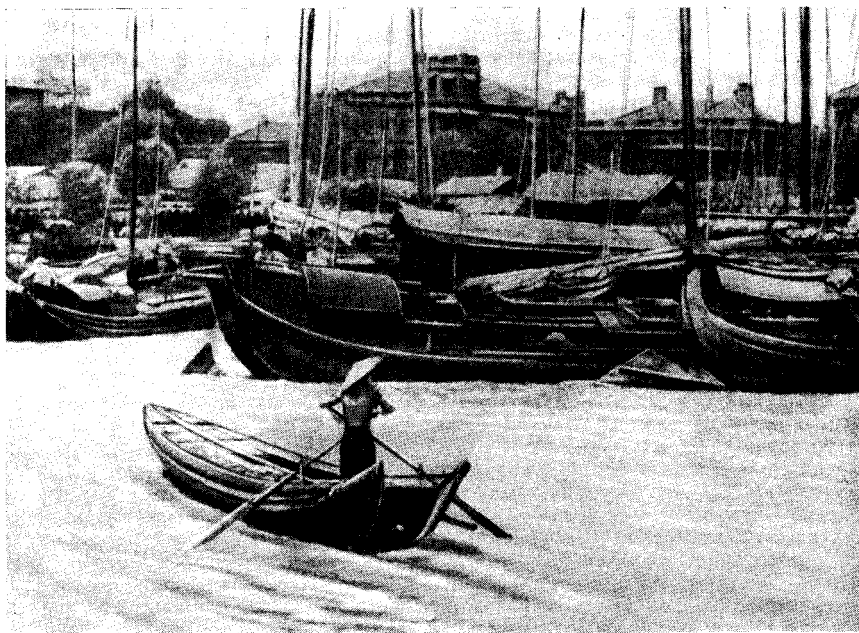

Рис. 5. Гребец на двухвостой шлюпке в Ханькоу

Рис. 6. Чжуанские бронзовые барабаны в Наньнинском музее

отапливаемых еще «по-черному». В августе в Гуанси можно было одновременно увидеть уборку и обмолот на одних полях, а запашку и боронование на соседних.

Орудия труда чжуан можно отнести к южнокитайско-вьетнамскому типу. Сжатый рис у чжуан не вяжется в снопы; сравнительно высоко срезанные колосья складываются на скамье (чтобы жницам не гнуться), затем их в корзинах на коромысле переносят к месту обмолота. Иногда обмолот идет тут же на краю поля: взяв пук колосьев обеими руками, его закидывают за спину и сразмаху обивают о край выдолбленной колоды или короба, с трех сторон надставленных цинковками (что предохраняет от потерь зерна, отскакивающего при обмолоте).

Мы познакомились также с развитием дорожной сети. Прежние пешеходные горные тропы и перевалы — узкие ущелья сменяются широким гудронированным полотном шоссе.

В Наньнине мы осмотрели местный Историко-этнографический музей, где хранятся великолепная коллекция национальных костюмов народов области и лучшая коллекция ритуальных барабанов (рис. 6). Большой интерес представляет архитектура жилых домов Наньнина, особенно старой его части, где улицы узки настолько, что пешеходное движение идет, по существу, по открытой галерее нижнего этажа домов; узкие поперечные улицы сбегают лестничными уступами к реке и как бы продолжают «улицами плавающего пригорода», состоящего из множества жилых лодок.

Из Наньнина мы вылетели в главный город провинции Юньнань — Куньмин. В литературе Куньмин славится как «город вечной весны». Однако после наньнинской жары (даже ночью в комнате температура была выше $+30^{\circ}$ по С) куньминская прохлада и постоянные дожди во время нашего пребывания там были малопривлекательны. Погода не помешала нам все же осуществить ряд интересных выездов. Мы побывали в двух поселках сельскохозяйственных производственных кооперативов сани (одного из подразделений народности йи) близ всемирно известного чуда природы — «Каменного леса» (скалы из торчкового известняка); осмотрели шилиньскую начальную школу-интернат; поднялись в горы к развалинам древней крепости сани; побывали в жилых домах и на созданной местными ирригаторами-самоучками дамбе, превратившей горное озеро в значительное водохранилище. Интересно, что, рассказывая о хозяйственных успехах производственного кооператива, председатель его Пу Гуан-тин отметил, что в 1957 г., кроме 734 голов крупного рогатого скота, в кооперативе имелось 13 бойцовых буйволов, специально тренированных для праздничных боев.

На обратном пути я имел возможность ознакомиться с городком Лунань, жилые дома которого представляют значительный интерес для изучения старинной архитектуры. Интересны и костюмы его жителей — китайцев и сани (рис. 76). Своим приездом я невольно нарушил нормальную жизнь городка, так как, узнав, что приехал человек из Советского Союза, буквально все жители, находившиеся на улицах, устремились посмотреть на меня и перекинуться со мной парой слов. Новые знакомцы следовали за нашей группой в течение всего времени осмотра городка, заполняя узкую улицу, а дети провожали нас далеко за пределы городской стены.

Второй наш выезд на юг был в городок Вэньсюань, знаменитый своими источниками, куда меня привело желание осмотреть жилые дома и хутора мяо, переселившихся сюда из высокогорных районов (рис. 8). Мы посетили семью баймяо (самоназвание их — хмон-клоо), выходцев из Сычуани. В самом Вэньсюане живет пять семей мяо (часть из них — хунмяо, или хмон-длоо). Ряд мелких групп мяо живет в окрестностях Вэньсюаня. Мы посетили также поселок, где живут 23 семьи мяо; из них 9 — хуамяо (хмон-тлао) и 14 цинмяо³. Хозяйство и жилище их однотипны, но костюм и женская прическа различны. Для женщин хуамяо характерны белые одежды, украшенные многоцветными нашивными полосками или богато орнаментированные многоцветной же яркой вышивкой. Одежды остальных мяо района — синие с темной вышивкой. Интересно, что цинмяо считают себя вернувшимися к месту прежнего обитания, откуда были изгнаны всего «одно поколение назад».

Специальный выезд был проведен мной в два производственных кооператива хуэйцзу. Оба они — смешанные по национальному составу. Значительное число их членов составляют собственно китайцы. Один кооператив имеет зерновое и овощное хозяйство. Это — один из основных поставщиков овощей населению г. Куньмин. Другой кооператив — животноводческий (интересно, что здесь имеется 45 дойных коров, молоко которых поставляется в Куньмин, а, как известно, китайцы раньше молока не пили). Основное место в хозяйстве этого кооператива занимает разведение птицы: уток, кур, гусей. Оба кооператива имеют общую школу-интернат. Живут члены кооператива разбросанно; жилые дома хуэйцзу небольшими группами вкраплены в кварталы собственно китайцев, поэтому члены кооператива входят в число прихожан различных кварталных мечетей. Жилые дома хуэйцзу почти не отличаются от домов юньнаньских китайцев (но на одной из поперечных балок в опорной конструкции крыши обязательно имеется стих из корана, выполненный резьбой или росписью или же начертанный на куске ткани).

³ В китайской литературе отдельные группы мяо определяются по цвету их одежды: баймяо — белые мяо, хунмяо — красные мяо, цинмяо — синие мяо, хуамяо — пестрые, или цветные, мяо (костюм последних украшен полихромной вышивкой).

Рис. 7. К этнографии народа сани (подразделение йи, провинция Юньнань):
а—старинный дом близ Шилиня; *б*—девушки сани в шилиньском кооперативе

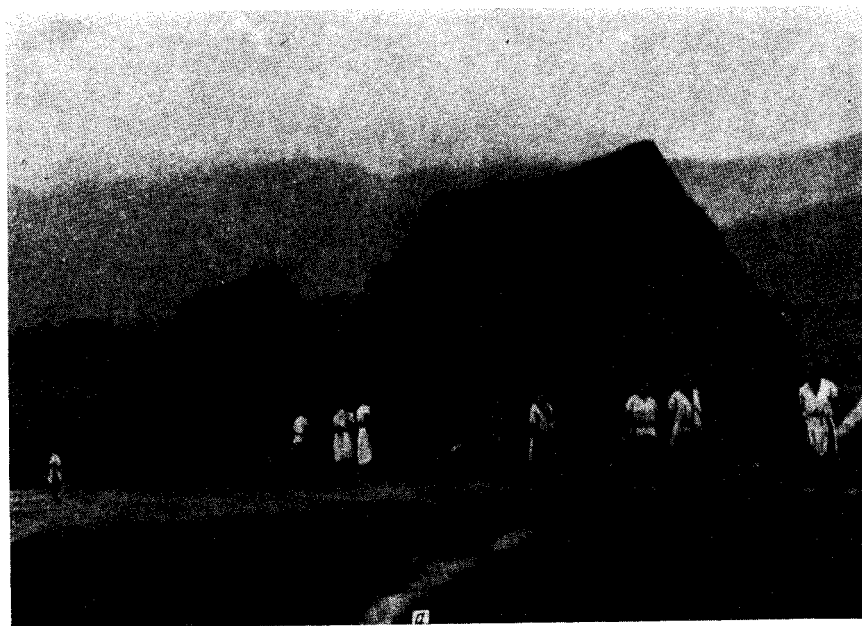

Рис. 8. К этнографии мяо: а— жилые дома близ г. Вэньсюаня (провинция Юньнань); б— девушки хуамяо

Старики помнят о своей принадлежности к «пандай» (термин, раньше считавшийся ошибочным), т. е. к исторически особой группе китайских мусульман. Молодежь же считает себя частью распыленной по всему Китаю народности хуэйцзу. Заметен отход молодежи и от традиционной хозяйственной специфики (сельское хозяйство), особенно в связи с развитием промышленных предприятий в Куньмине, нуждающихся в рабочих кадрах.

В Куньмине мы посетили очень интересный археолого-этнографический музей. Археологические публикации музея представляют значительную научную ценность. Один из руководителей работ, молодой археолог Сунь Тай-чу, ознакомил нас с находками 1957 г. Особый интерес среди них представляют ритуальный барабан с многофигурной скульптурной группой на верхней его плоскости (вся сцена проясняет характер использования барабанов этого типа) и золотая личная печать императора ханьского времени У-ди (наличие этой печати указывает, что проникновение китайцев на территорию провинции Юньнань было более прочным и более ранним, чем это обычно считается). Богаты этнографические коллекции музея. Среди них — костюм мусульманского военачальника периода восстания в середине XIX в., свиток с изложением мифа о происхождении народа наси, выполненный рисуночным письмом, ряд редких костюмов народов Юньнани и т. д.

В Куньмине мы неоднократно бывали в Институте национальных меньшинств, созданном в 1951 г. До 1956 г. Институт по существу выполнял роль краткосрочных курсов по подготовке партийного, административного и национального актива из малых национальностей. За истекшие годы эти курсы окончили 5600 человек. На 1 августа 1957 г. в Институте было 1700 учащихся, представителей 54 этнических групп (но не 54 народов, так как часть их — подразделения одного народа; например, нун и ша — не два народа, а подразделения чжуан). В Институте имеется четыре отдела: 1) отдел «приграничных» народов (лису, тай, ва, хани и др.); 2) отдел народов внутренних районов (мяо, чжуан и др.); 3) отдел изучения национальных языков народов, имевших письменность, и 4) отдел обучения юношества (школьного типа).

В первых двух отделах срок обучения годичный, в остальных — двухгодичный. При Институте имеются библиотека, два читальных зала, клуб. Для учащихся, в соответствии с их привычкой к национальной кухне, устроены три столовые: мусульманская, тибетская и общая; но иногда и в общей столовой готовят специальные блюда для представителей отдельных народов (например, кислую капусту для бай, квашеное мясо для ва). Учащиеся имеют в пределах Института свои молельни: мусульманскую, буддийскую и католическую (для лису, цзинпо и т. п.), в которых три раза в неделю происходят моления.

Кроме того, в пригороде Куньмина есть особое помещение, где проходят полугодовую политико-воспитательную подготовку вожди, жрецы, управители (тусы), ламаистские «живые божества» — лояльные по отношению к новому общественному строю в стране или активно его поддерживающие. Для них читаются лекции и организуются дискуссии, устраиваются экскурсии, повышается их общеобразовательный и культурный уровень, ведется борьба с опиумокурением, азартными играми и т. п. Но мы этой части Института не видели, так как это было время каникул, и все учащиеся находились в своих районах.

В помещении Института собираются конференции этнографов. Здесь мы участвовали в сессии, посвященной экспедиционной этнографической работе 1957 г. в Юньнани. На повестке дня было обсуждение докладов экспедиций, изучающих ва и цзинпо.

Наш обратный путь в Пекин лежал через Чунцин, Сиань и Тайюань. Вскоре после возвращения в Пекин мы прощались с друзьями, чтобы поездом двинуться через Дунбэй к границам нашей Родины, как бы завершая наше меридиональное обозрение Китая.

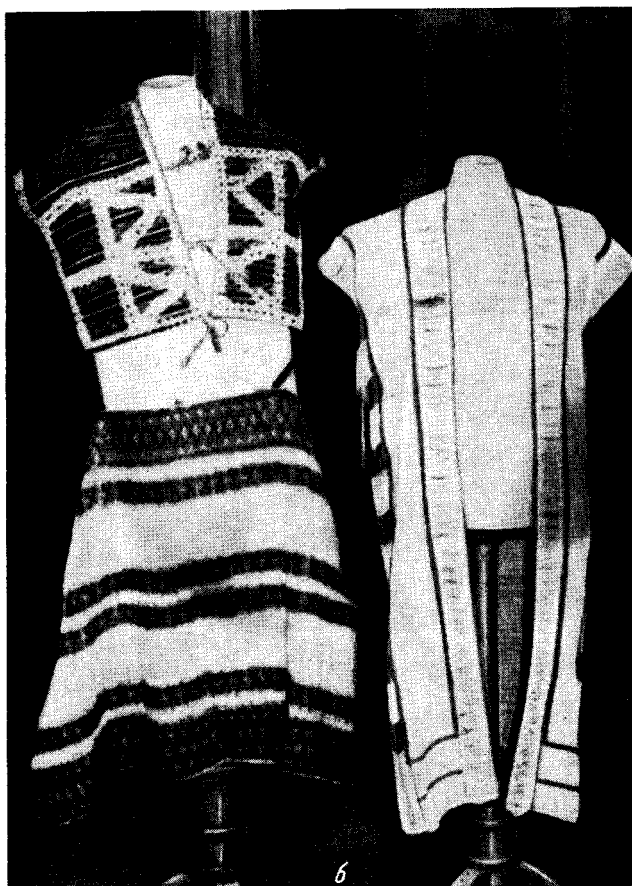
* * *

Пребывание в КНР и поездка по стране позволили нам познакомиться с постановкой музейного дела. Мы посетили палеонтологический музей, Музей Чжоукоудяня, Музей Института археологии Академии наук КНР, Исторический музей в Гугуне, Музей истории музыки при Институте музыки КНР, этнографические музеи Наньнина, Куньмина и Академии национальных меньшинств в Пекине, дворцы-музеи. Во всех этих музеях поражает обилие ценнейших экспонатов-подлинников (рис. 9). Часть этих экспонатов подана экспозиционно выигрышно, часть же теряется вследствие скудости этикетаж, невыгодного освещения, отсутствия вспомогательного материала (иллюстративного, цифрового и пр.). В 1957 г. перед музейными работниками впервые встали вопросы музейно-хранительского характера (консервация, нормирование влажности, борьба с пылью и т. д.). Общее впечатление от экспозиции часто снижается вследствие отсутствия специальной музейной мебели (чем грешат и многие наши музеи). Далеко не все музеи имеют постоянное (тем более — специально приспособленное) помещение. По-видимому, это связано с тем, что законодательство в области музейного строительства в КНР только начинает развиваться и далеко еще не везде там осознали, какое могучее средство общеобразовательного и политико-воспитательного воздействия представляют собой музеи.

Хороший пример продуманной, политически заостренной экспозиции дает выставка Мусульманского общества в Пекине. Помещение очень интересного и важного этно-

a

б

Рис. 9. Образцы народных костюмов в экспозиции Этнографического музея Академии национальных меньшинств Китая (Пекин): *a* — народа чжуан; *б* — народа мяо

a

б

Рис. 10. Образцы народных костюмов в экспозиции Этнографического музея Академии национальных меньшинств Китая (Пекин): *a* — народа наси; *б* — группы «гаошань»

графического музея Академии национальных меньшинств крайне мало. В столице Китайской Народной Республики (так же, как и в столице СССР), к сожалению, еще нет центрального широкодоступного музея этнографии не только народов мира, но и народов страны. Конечно, наше впечатление неполно. Мы не видели музеев Ухани, Нанькина, Чунцина, Кантона. Но и те музеи, которые мы видели, говорят об огромных возможностях развертывания музейного дела в Китае, о наличии энтузиастов музейного дела и о живом интересе китайского народа к истории, истории культуры и этнографии своей страны.

За время пребывания в КНР в период обсуждения нашей работы и во время поездки по стране мы встречались со многими учеными разных специальностей, деятелями культуры и практическими работниками. Но чаще всего и теснее всего мы были, естественно, связаны с этнографами и деятелями комитетов по делам национальностей.

Этнография — наука, насчитывающая в Китае десятки столетий существования. Так называемые «доклады с мест» чиновников, посылавшихся на периферию и к соседним народам, сообщения о «варварах четырех сторон света», специальные «прибавления» к династийным историям и т. п. содержат ценнейшие сведения этнографического характера. Десятки лет своего существования насчитывают этнографические общества Пекина, Нанькина, Кантона, Куньмина, Харбина. Однако китайской этнографической науке в конце первой половины XX в. нанесли существенный вред влияния американской психолого-аналитической школы, а до того — английской функционалистской и австрийской «культурно-исторической» школ. Вследствие того, что большая часть этнографов старшего поколения была воспитана на методологии этих школ, они стремились к изучению «примитивных черт» национальных меньшинств Китая; в старых изданиях встречалась порой и нарочитая шовинистическая окраска сообщаемых о малых народах сведений. В период гоминьдановско-чанкайшистского правления распространилось реакционное шовинистическое представление о том, что Китай населен «потомками Хуанди» и деградировавшими их отпочкованиями, «второсортными» этническими элементами. За последними (а к ним причислялись многие национальные меньшинства) не признавалось права на этническую целостность (не говоря уже об автономии), на собственную историю, на национальную культуру. Культурные ценности их замалчивались или уничтожались, — сжигались рукописи, вывозились произведения искусства и т. д. В культурном ограблении национальных меньшинств (как, впрочем, и самого китайского народа) немалое участие приняли европейские и американские ученые и особенно миссионеры.

Китайская Коммунистическая партия с самого начала своего существования провозгласила борьбу против шовинизма и угнетения всех народов, в том числе и самых малых. В районах, где у власти были трудящиеся, руководимые Коммунистической партией, равенство прав всех народов было законом и руководством к действию. Еще в период Великого похода малые народы страны (йи, чжуан, тибетцы и др.) на своем опыте ощутили благотворный характер национальной политики нового Китая.

С победой китайского народа и установлением Китайской Народной Республики национальным меньшинствам был обеспечен ряд преимуществ по сравнению с собственными китайцами в отношении выборов в органы власти, в осуществлении права на образование, в развитии экономики и т. д.

Этнографы Китая правильно поняли свою задачу — отдать все свои силы и знания решению жизненно важных проблем национальной политики в государственном строительстве. Этнографы участвовали в огромной работе по определению списка народов страны, изучению форм их хозяйства и социальных отношений и т. д.⁴ Пути демократических преобразований в районах компактного расселения национальных меньшинств, пути движения национальных меньшинств к социализму, создание письменности для ранее бесписьменных (или обладавших непригодной в новых условиях письменностью) народов — все это проблемы, для решения которых необходимо тщательное изучение, знание конкретных условий жизни народов страны.

Молодая Китайская Народная Республика отпускает колоссальные средства на этнографические, этнографо-лингвистические и другие научные экспедиции. В их составе десятки отрядов, сотни сотрудников. Невиданный размах экспедиционной работы способствует быстрому накоплению материалов, предварительная публикация которых вовлекает в этнографическую работу еще больший круг людей. Иногда размах собирательской этнографической деятельности приводит к тому, что задерживается интерпретация материала. Порой ученые в своих выводах следуют за требованиями момента. Так, некоторые китайские ученые во время обсуждения глав нашего тома предлагали отказаться от этнической классификации в пользу «алфавитного перечня» народов. На первый взгляд это кажется защитой равенства всех народов при научном исследовании, фактически же снимает возможность правильной постановки вопросов этногенеза, правильного освещения их истории, истории их культуры и т. д. Не случайно лингвисты не отказываются от группировки народов по языковой близости. Отрицательно сказывается на этнографической работе и забвение этнографии крупнейшего, ведущего народа страны — собственно китайцев. Даже характер национальной одежды малых народов страны не может быть определен верно, если нет хотя бы очень общего представления об истории одежды китайцев. В ряде случаев исследователь «чувствует», что в основе

⁴ См. статью проф. Линь Яо-хуа в журн. «Сов. этнография», 1956, № 3.

костюма того или иного народа юго-запада или северо-востока страны лежат элементы костюма китайцев доманьчжурского периода, но документально подтвердить это «чувство» трудно, так как исследования не велись. Еще сложнее с изучением верований (хотя здесь, наоборот, изучение истории верований и обрядности китайцев трудно вести без знания форм верований и обрядности малых народов).

Опыт экспедиционной сессии в Куньмине показал, какой большой интерес у китайских этнографов вызывает теоретическое осмысление полевых материалов и какие трудности возникают для них при этом.

Может быть, одной из причин этого положения в китайской этнографической науке является отсутствие этнографического научного центра. Я уже упоминал, что большой и серьезный научный коллектив этнографов имеется в Академии национальных меньшинств в Пекине, в университете и Институте национальных меньшинств в Куньмине. Этнографические кадры имеются в Нанькине, Наньнине, Чэнду, Харбине, Кантоне, Сиане и в ряде других городов. Но оторванность этнографов друг от друга несомненно вредна для этнографической науки.

Нас поразило почти полное отсутствие координации в работе этнографов с археологами, антропологами и лингвистами. Увлечение антропологов Китая палеоантропологией внесло существенные коррективы в прежние представления об истории заселения человеком этой области эйкумены и об истории формирования человечества в целом. Но отрыв антропологии от этнографии вредно сказывается на развитии обеих наук. Не случайно и археологи затрудняются с большей или меньшей достоверностью связывать находки раннеисторического периода с предками того или иного современного народа Китая. Решение лингвистами вопросов, связанных с этнографией, часто носит кустарный характер. 1957 год был переломным в этом отношении. Подготовлено создание Института этнографии в системе Академии наук КНР. В Академии национальных меньшинств в 1957/58 учебном году читается курс антропологии. В экспедиционной этнографической сессии в Куньмине приняли участие этнографы из других городов. Есть все основания ожидать, что успехи китайской этнографической науки будут еще более обширны и глубоки, чем в предыдущие годы.

Обсуждение тома «Народы Восточной Азии» серии «Народы мира» (точнее — его части, касающейся Китая) китайскими учеными и практическими деятелями было для нас исключительно полезно. В ходе обсуждения возникла потребность пересмотра ряда проблем: уточнения этнонимов, определения основы экономики тибетского народа, процесса формирования народности хуэйцзу, оценки процесса консолидации монголов и др. Весьма ценным было пожелание китайских товарищей дополнить главы, где описываются малые народы Китая, разделами о крупных или социально интересных народах (ранее недостаточно изученных или недавно самоопределившихся), таких, как байцзу, хани, наси, цзинпо и цзайва, орочен, баоань и др. Это предложение было тем более ценным, что китайские ученые согласились написать названные разделы. В разделах, вводных ко всему тому, китайские ученые — проф. Линь Яо-хуа и У Жу-кан — выступают в качестве соавторов, а проф. Фу Мао-цзи — как основной автор.

Если в результате нашей поездки и совместных работ содружество китайских и советских ученых еще более укрепит и расширится, это можно будет считать самым ценным результатом нашей командировки.